

Театральная жизнь Петербурга

В. В. Маяковский: pro et contra / Сост., вступ. статья,
коммент. В. Н. Дядичева. -- СПб.: РХГА, 2006. (Русский Путь).
OCR Ловецкая Т. Ю.

Серые свинцовые тучи повисли над столицей. Непроницаемый холодный туман окутал Петербург. И только мутные волны света от электрических фонарей, зажигаемых на улицах чуть ли не с полудня, и движущиеся толпы людей-теней напоминают о существовании жизни в этом гнилом городе.

Порой мне кажется, что многое отрицательное во всей жизни Петербурга, а особенно в области искусства, так бездарно и нелепо именно потому, что трудно творить и создавать светлое и прекрасное в вечном полумраке, насквозь пронизанном сыростью и тоской, в отсутствии солнца.

И потому-то Петербург, как бы желая вырваться из этого туманного кошмара, с таким энтузиазмом стремится ко всему легкомысленному, крикливому, сенсационному, часто оставляя в стороне без должного внимания серьезное, интересное, даровитое.

I

Ноябрь в этом году был особенно полон "сенсациями".

Начать хотя бы с Вилли Ферреро -- этого подлинного "чуда-чудного, дива-дивного", человека XXI века, короля вундеркиндов.

Я посетил несколько концертов Ферреро, с напряженностью наблюдал и юного дирижера, и оркестр и публику, и должен признаться, что каждый раз впечатление было потрясающее.

Трудно сказать, чего в этом впечатлении было больше: зрительных эффектов или очарования поистине вдохновенным ведением оркестра и экспрессией, которую вкладывал в каждый взмах своей палочки крошка-дирижер.

Бурным восторгом реагировала публика на каждое новое произведение, сыгранное под управлением Ферреро. Иногда этот восторг выливался далеко за пределы обычных оваций. Это был стихийный порыв изумления не простой толпы, а массы культурных, музыкально-образованных людей пред разворачивающейся картиной торжества грядущего гения.

А он, этот крохотный виновник торжества, стоял спокойно, совершенно не волнуясь, с лицом, детски улыбающимся, потирая маленькие худые ручонки, и, казалось, только ждал конца этих оваций, чтобы убежать к своим игрушкам.

Возможность такого перехода от эстрады к семье и игрушкам, от вдохновенной серьезности при дирижировании к детской шаловливости непонятна и часто наводила на меня разные сомнения.

Но стоило только Вилли появиться у пульта, стоило взмахнуть ручонками, как все сомнения летели прахом и перед взорами был только гениальный ребенок, отмеченный всей силой Великой Природы.

Все концерты Вилли, конечно, прошли при аншлагах.

II

Не менее шумно прошли здесь гастролы и короля кинематографической ленты, Макса Линдера, которого пригласил для поправления дел своего театра пресловутый Зон.

Но сей "великий" муж прекрасно бы сделал, если бы всегда оставался только на ленте, а не являл свою особу воочию. Впечатление от зрелища, представленного Максом, -- "Любовь и танго", и самого Макса -- совершенно ничтожное. Дешевая клоунада маленького роста, с виду похожего на французского приказчика из Пале-Рояля -- Макса пришлась не по вкусу даже такой падкой к сенсациям публике, как петербургская, и уже третья гастроль Линдера шла при полупустом зале, а остальные -- собрали еще меньше публики. Очарование Линдером на ленте сменилось полным охлаждением к нему как к актеру на сцене настоящего театра.